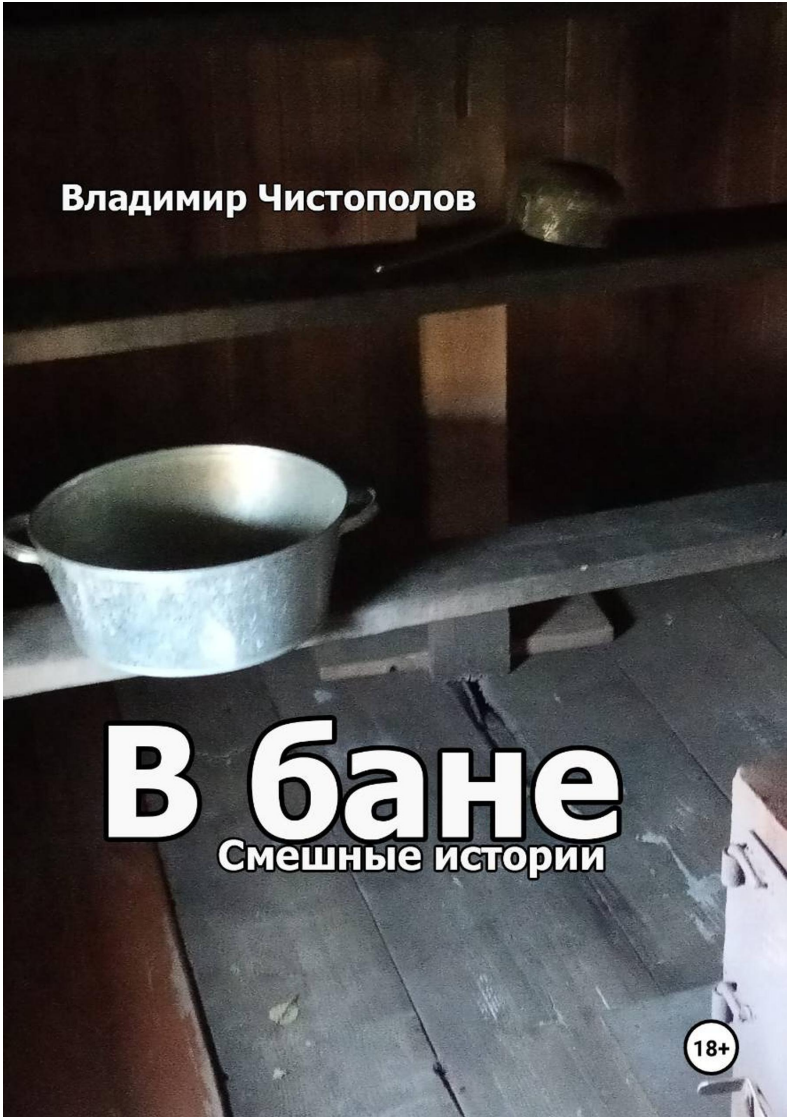
Владимир Чистополов
В бане
Смешные истории
18+

Владимир Чистополов
В бане

https://litres.ru/42602534
SelfPub; 2026

Аннотация

Один сельчанин в отсутствии жены решил помыться в бане с молодой соседкой, и что из этого вышло. А когда друзья удовольствие в парной бане сочетают с употреблением горячительных напитков, дело принимает совсем неожиданный поворот. Баня, вообще, место сокровенное, там много чего неожиданно может произойти. И смешно бывает и больно.

Владимир Чистополов
В бане

Жену с чужой теткой перепутал

Егор был совсем плохой. Нет, в смысле, человек он был хороший, но его мучило, терзало и жгло жуткое похмелье. С комбайнерами вчера завершение посевной хорошо отметили.

Вечером его домой друзья лёжа принесли, словно полено бесчувственное. Петь, правда, все время порывался, Витасу подражал. Потом забылся в тяжелом сне. Ему снились крысы, а он их, вроде как, ел. В общем, жуть кромешная. Самогон с пивом вообще мешать нельзя. А тут еще Пахомыч, чёрт старый, подначивать начал насчет соревнования, кто на время больше стопарей выпьет. Основная масса отнекивалась, но четверо поучаствовали, все домой лёжа ушли.

Видя, как Егору плохо, жена Настя, женщина работящая и жалостливая, напоила мужа настоем брусники, спроворила баньку, собрала ему чистое белье и, кое-как стащив с кровати, выпроводила на волю. Дескать, иди, родной, помойся там пока, на лавке полежи в тепле. А я попозже подойду веником березовым тебя легонько поглажу, глядишь, и пройдет голова то.

Полусонный Егор, будучи в одних трусах, взял подмышку

белье, и, одев на босы ноги галоши, нетвердой походкой вусмерть уставшего пахаря похромал с пригорка вниз к баньке. Там речка мелкая текла, и вся деревня возле нее бани строила, чтобы после парной можно было в холодной водице искупнуться.

Войдя в предбанник, Егор скинул с себя галоши и остатную одёжу. Широко распахнув дверь, окунулся в густой духмяный пар. Возле печки маячило чьё-то белое тело.

- Ты тута уже? - Удивился он, обращаясь к жене, - и когда успела меня обогнать, шустра баба. Давай, пошебарши по спине веником, может впрямь полегчает.

И Егор вознамерился взгромоздиться на верхнюю скамью. Но это у него не получилось. Голая женщина, прикрыв наготу веником, плашмя ударила его по голове пустым оцинкованным тазом, так что гул пошел по всему помещению и, отзвучав в больной голове похмельного мужчины, резко вывел его из забытия. Сконцентрировав зрение, рассеянное тазовой процедурой, он узнал в своей обидчице соседку Нюру, жену кузнеца Василия.

- Ах, ты паскудник, - заголосила она, - жены тебе мало, в чужие бани лезешь, самец драный. Я тебе щас пошебаршу веником, так пошебаршу, что в другой раз забудешь сюда дорогу.

Егор, не успев ретироваться, вновь получил тазом сначала по голове, потом вдогонку по спине.

Ошалев от случившегося, забыв галоши и трусы в пред-

баннике, он, как молодой олень, запрыгал вдоль реки по зарослям крапивы прочь от соседки-чертовки с железным тазом. А с пригорка вслед загремел бас нюркиного мужа-кузнеца, спускавшегося с веником в руке, в предвкушении парной:

- Нюрка, это почему тут у тебя из бани голые мужики выскакивают? Это кто? Ах, ты зараза! Стой, лишенец, поймаю – ноги вырву!

И кузнец, бросив веник, кинулся вдогонку за Егором. Бег с препятствиями в голом виде по пойме реки, заросшей колючей травой и изобилующей вычурными корягами, не входил в планы нашего хлебороба. Но зная норов кузнеца, он не дал ему фору, а подпрыгивая, словно дикий кенгуру, стремглав умчался прочь и спрятался в глубоком овраге.

Часа через два, беглец, искусанный комарами и оводами, исцарапанный, словно полицейский после драки с домохозяйкой, прокрался в свою баню, где его жена Настя стирала белье. Присев на пороге в парную, подвывая и дрожа, он начал рассказывать супруге о своих злоключениях. Она стояла напротив и, подбоченясь, смотрела на него сверху-вниз.

- Знаем уже, - процедила она, не дослушав до конца болезного мужа, - Нюрка мне рассказала, как ты на нее покушался. Что, молодость вспомнил, козлик, опять на подвиги потянуло? Я то, дура, его обихаживаю, страдальца. Настоем брусничным пою. А он вон как, к чужой бабе в баню полез. Развлечений захотелось. Скажи спасибо, что кузнец тебя не

догнал. Так бы и дала чем-нибудь по башке, гулящий.

Егор молча смотрел на женщину снизу-вверх. В глазах его стояли слезы. Она, присев рядом, вздохнула:

- Чудо ты, чудо. Неужто в самом деле бани перепутал, хоть и рядом они, и похожи, но все же разные. Столько лет уж моемся. Как чувствуешь то себя, поди похмелье еще мучает? Давай я тебя помою и веником малость пройдусь. Грязный весь, исцарапанный.

Егор с благодарностью смотревший на жену, вдруг взял ее руку в свои и, неожиданно для себя, поцеловал.

- Спасибо, родная, спасибо, комок поднявшийся к горлу мешал говорить, я же только тебя… никто мне не нужен больше… даже не думай… А похмелья у меня больше нет, когда от кузнеца убегал, оно все с испугу выскочило. Голова ясная, как стекло. Пить больше не надо. Всё Пахомыч, провокатор, соревнование, соревнование… Досоревновались в итоге. Жену с чужой теткой перепутал.

Баня и Маня

Позвал вчерась Маньку в баню – согласилась. Одинокая она женщина. И у меня жена уехала в город за шмутками. Натопил баню, как положено, бутылек с собой прихватил, закуски там: огурчиков – помидорчиков. Присели мы с ней в предбаннике, закусон разложили на скамейке, выпили – ну все как у порядочных людей. Маня говорит:

– Просто так – скучно. Давай я сейчас первая в парную пойду, разденусь там, мыться начну, а ты как будто случайно по делу в одежде зайдешь. Как будто, меня увидев, напугаешься сначала, к двери сиганешь. Я тебя поймаю и одежду срывать начну. Ты кричи всяко, а потом похоть тебя одолеет и ты мною на лавке овладеешь.

– Ладно, – говорю, – если хочешь представления – я согласен, подыграю тебе, как могу.

Занырнула она в парную, а я решил бутылочку прикончить, чтобы времени зря не терять. Выпил, захорошело сразу как-то, еще добавить захотелось, а нету. Дай, думаю, до дома дойду, пока она там мыться начнет, я еще пару стопарей пропустить успею.

Пришел в избу, а там тесть сидит. Откудова он, сучий потрох, нарисовался – непонятно. На другом конце деревни живет, не лень было вечером по грязи ковылять.

А тесть вдруг из кармана бутылку водки вынимает и на стол ставит.

– Грустно, – говорит, – мне стало жить, Гриша (меня Гришей зовут). Дорожает все вокруг и посидеть вечером, поговорить не с кем. Давай помалу сейчас замахнем и побеседуем душевно.

Выпили мы с ним по соточке. Огурца пожевали. Тесть говорит, погоди малость, Гриша, я до ветру выйду, скоро вернусь. И ушел. А я сижу, как дурак, и не знаю, что делать. Както надо его выпроваживать, ведь отец жены, не дай бог про

Маньку прочухает – беда. Сижу я так, размышляю, думаю, как от него избавится, как спровадить гостя незваного, тем более у него бутылка недопитая осталась, и потому он скоро не уйдет ни за что. Время идет…

Вдруг шум в сенях, тесть с ополоумевшими глазами забегает в порванном пиджаке.

– Давай ружьё, Гриша, – кричит, – там, ядрена мать, в бане у тебя нечистая сила засела, чуть не порвала меня в клочья, сволочь. Я после сортира в баню свет погасить зашел, забыли думаю. Только выключателем щелкнул, а оно и налетело. Одёжу рвет на мне и прямо за яйца хватает, прямо повалить норовит. Я таз ухватил, отбиваться начал, а оно как заверещит, как завоет. Еле вырвался. Давай ружьё скорее, а то оно сюда сейчас заявится.

– Ты Петр Иваныч, – говорю, – не рехнулся случаем. Какая нечистая сила в 21 веке, окстись. На вот выпей водки, отдышись. Я сам схожу, посмотрю, кто там на тебя наскочил.

Ну, думаю, жеваный крот, история. Мне Манька не простит никогда. Объясни ей попробуй теперь, что я не верблюд. Вот тесть, зараза, все время от него неприятности одни. Маньки, конечно, в бане не оказалось, крепко видать он мадаму мою тазом приласкал.

Сегодня на огороде увидел ее с фонарем во всю физиономию, она ко мне с кулаками, а я ее увещеваю, успокаиваю:

– На днях, – шепчу, – моя жена опять в город уедет, можно будет без помех в бане попариться.

Но Манька гордая.

– С бабушкой своей, – говорит, – попарься. Уголовник.

Креативные шутки

В бане у Кеши, который заманил меня на дачу вместе с двумя товарищами, было жарко. Тусклая лампочка с трудом освещала помещение, потому что Иннокентий все время плескал на каменку пивом, отчего пахло хлебом и духмяный пар застилал все вокруг. И было хорошо.

Время от времени мы выскакивали из парной и садились за стол в большом и чистом предбаннике, напоминавшем летнюю веранду. Кеша сразу вытаскивал из ведра с холодной водой бутылку водки и проворно разливал содержимое в граненые стаканы.

После пятого захода двое наших товарищей, завернувшись в простыни с головой, превратились в коконы и уснули под столом так крепко, что на них можно было ставить ноги.

А мы с Кешей заскучали по компании.

– Как-то грустно проходит мероприятие, – заявил Кешка, пристально разглядывая нахохлившийся на вилке огурец. – Романтизма нету, пьянка простая, меня такое не устраивает. Даже песен не попели, а уже под столом валяются, – он кивнул на упавших приятелей, – совсем плохие стали, старость не радость. Как бы нам их взбодрить, чтобы компанию не рушили?

– Взбодрить можно, – говорю я, – другое дело – понравится ли это им? По стручку острого перца в шлюзы, и я гарантирую, что они не только оживут, но и станут чрезвычайно бойкими.

– А что, – загорелся Иннокентий, – можно попробовать. Я в каком-то старом кино видел, как гайдуки туркам перца в штаны насовали, это было зрелищно. Серега и Витька сейчас все равно ни хрена не соображают, скажем потом, что это они сами – на спор…

Сказано – сделано. Кеша принес из дома два ядреных стручка острого кайенского перца. Надрезав кончики плодов, мы, подвинув простыни, осторожно ввели их в каудальные отверстия спящих на полу мумий.

Ждать пришлось недолго. Сначала Витька, а потом почти синхронно Серега резко обнажили головы с удивленными, как у лемуров, большими глазами. Затем их рты разверзлись, выплевывая грязные ругательства, и наконец жуткий вой пронзил окрестности. Оба человекообразных, словно собаки Баскервилей, кинулись, ломая стулья, из-под стола в сторону большого бака с холодной водой и одновременно погрузили в него свои седалища, проделывая под водой пассы трясущимися руками и пытаясь освободиться от непонятных чужеродных предметов, прочно засевших в их организмах.

– Да, – ухмыляясь, произнес Кеша, – точно, взбодрились чрезвычайно. Главное, чтобы сейчас драки не получилось.

Я, пожалуй, канделябр кованый пока в дом занесу, а то он, собака, тяжелый, им покалечить можно.

Схватив канделябр, он моментально выскочил из предбанника.

Я остался один. Товарищи наши начали приходить в себя. Хмель с них как рукой сняло. Прополоскавшись в холодной воде, они с удивлением рассматривали вынутые овощи. В их глазах светилось непонимание.

– Это чо? – спросил Витек, вытянув зажатый двумя пальцами перечный стручок в мою сторону. – Это почему?

– Да не знаю, – отвечаю я, прикинувшись сильно пьяным, – вы вроде с Серегой поспорили на литру коньяку насчет мазохизма и поначалу перец острый ели, а потом, надкусив, с другой стороны того…

Витек с Серегой переглянулись, очевидно, пытаясь восстановить ряд событий, но не восстановили. Ужасная встряска утомленных алкоголем организмов перетряхнула, видать, и мозги.

Сев за стол и поерзав на скамейке, отыскивая удобные позы, они тупо тяпнули по стопарю водки и начали с увлечением, перемежая речь нецензурными выражениями, рассказывать о своих сегодняшних ощущениях. Вернувшийся Иннокентий с довольным видом прислонился к косяку и внимательно слушал их. А меня клонило в сон, но уснуть я боялся. И все же уснул. Проснулся на кровати одетым. Друзья уже собирались домой, грузили вещи в машину приехавшего за

нами брата Иннокентия. До города добрались без происшествий, попрощались.

Вечером перед сном, решив принять душ, я разделся до трусов и неторопливо прошел мимо сидящей на диване жены в ванную.

– Дорогой, – окликнула она, – не пора ли бросать детские забавы. Твой Кешка – идиот, и ты тоже.

– Я не понял, о чем вы, мадам?

– Посмотри на свою спину, придурок, в твоем возрасте можно быть поумнее.

Заскочив в ванную, я повернулся спиной к зеркалу. Мерзавцы! Как мне надоели их плоские шутки. На спине маркером были написаны матерные ругательства. Сбросив трусы, обнаружил на левой ягодице надпись: "Не влезай – убью!", на правой – рисунок кочегара с лопатой.

– Ну что же, други, грубо, но креативно, – оценил я. – Не последний раз в бане мылись. За мной не заржавеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.